

Политическое самоопределение России: проблемы выбора

Ю.А. Красин

Красин Юрий Андреевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований Института социологии РАН.

“Самоопределение”. Насколько правомерно употребление этого понятия, обычно используемого при описании национально-государственных проблем, для характеристики политической ситуации в современной России? Существуют разные подходы к исследованию политического развития российского общества. На одном конце широкого спектра применяемых методов — самое общее, абстрактно-теоретическое, можно сказать, историософское видение отечественной истории, оценки исторических судеб страны, базирующиеся на осмыслении ее геополитического положения, специфики политической культуры, особенностей менталитета народа и элиты, а также той роли, которую она призвана сыграть в развитии человеческой цивилизации. На другом — ситуационный политический анализ, преследующий сиюминутные цели, в частности, в нынешний период — просчет возможных результатов предстоящих парламентских, а затем и президентских выборов. В обоих случаях рассматриваемое понятие мало что дает для постижения происходящего. Оно приобретает эвристический смысл лишь на крутых изломах истории, когда перед обществом встает проблема кардинального выбора и в повестку дня выдвигается смена самой парадигмы политического развития.

С середины 1980-х годов Россия вступила в полосу глубокого реформирования фундаментальных основ своего общественного устройства. Уже второе десятилетие страна переживает системный кризис, дестабилизировавший общество, потрясший его до основания, поставивший вопрос о принципиально новых политических ориентирах. Поиск средств и способов преодоления этого кризиса и перехода к иному качественному состоянию превращает понятие “политическое самоопределение” в релевантный инструмент познания глубинных тенденций, скрывающихся за турбулентной динамикой текущих событий. Российское общество оказалось как бы на развилке: вопрос о том, куда идти, стал для него поистине судьбоносным.

В настоящее время Россия находится, возможно, на самом крутом вираже своей истории. Общество мучительно тяжело самоопределяется по отношению к новым реалиям и в мире, и в собственном развитии. До начала перемен, инициированных горбачевской перестройкой, вопрос о политическом самоопределении не возникал. Советский Союз воспринимался всеми как мощная супердержава, объединившая вокруг российского ядра народы с разными социокультурными и даже цивилизационными традициями. Несмотря на такое многообразие, советское общество являло собой некую целостность, скрепленную единой государственностью, общностью социально-экономического строя, доминировавшей в общественном сознании социалистической идеологией, коллективистским образом жизни. При всем национально-этническом и социально-культурном плюрализме это позволяло характеризовать население страны как единую историческую общность — советский народ. На мировой арене СССР представлял один из полюсов биполярной международной системы.

В большинстве своем жители СССР ощущали себя гражданами великого государства, имевшего вполне определенный социальный строй и занимавшего вполне определенное место в мировом сообществе. Независимо от того, как люди относились к этому государству, какие давали ему философско-исторические, социально-политические и нравственные оценки, и в самой стране, и в мире оно четко идентифицировалось с уникальным обществом, претендовавшим на свой особый путь и в этом смысле вполне самоопределившимся как альтернатива капиталистическому.

С началом реформирования советского общества в эту определенность был внесен мощный фермент брожения, давший толчок сомнениям и болезненным переоценкам. Попытки удержать данный процесс в русле эволюционной смены ориентиров, более постепенной и потому менее мучительной, не увенчались успехом. Восторжествовал конфронтационный принцип: “до основания, а затем...”.

Радикально-либеральный курс ранних 1990-х придавал идентификационной ломке разрушительный характер, ввергший общество в состояние неопределенности, граничившей с хаосом. Прежние оценочные стереотипы были разбиты, вводимые же стандарты, заимствованные преимущественно из чужого опыта, не выдерживали испытания на прочность при соприкосновении с российской действительностью. Началось шараханье из стороны в сторону — от полного отрицания своего прошлого до ностальгического желания вернуться в его объятия. Удержаться на столь зыбкой почве было невозможно. Российское общество могло сохранить себя только путем выработки новых базовых оснований собственного существования и развития, т.е. путем нового политического самоопределения. Ему предстояло сделать стратегический выбор и для этого ответить на целый ряд важнейших вопросов. В чем заключаются национальные интересы России? Какой политический строй и какая форма власти в наибольшей мере им соответствуют? Какими должны быть место и роль страны в глобализирующемся мировом сообществе? Какая социальная система обеспечит ее возрождение?

Позади уже без малого два десятилетия перемен, а ответы на эти вопросы так и не найдены. Ни у одной из партий нет и убедительной стратегии политического развития. Все это наводит на мысль, что политическое самоопределение России — длительный, сложный и многомерный процесс. Общий вектор движения будет формироваться в ходе решения совокупности узловых политических проблем, каждая из которых потребует от власти и общества четкой позиции относительно направления и характера предпринимаемых шагов. Накопленный политический опыт позволяет наметить лишь контуры альтернатив, стоящих перед Россией. Более детальные прогнозы в нынешней ситуации вряд ли оправданы вследствие глубокой антиномичности российского общества [1].

В трактовке И.Канта, антиномии — это утверждения, которые в равной степени логически доказуемы и в то же время взаимоисключающи. В применении к социальной действительности антиномичность указывает на особый тип противоречия, где каждая из противоположностей имеет одинаково прочное базовое основание в реальности. Противоречия-антиномии ведут к возникновению дилемм, не поддающихся снятию в результате единожды сделанного выбора. Пока сохраняются глубинные основания контрнаправленных тенденций, антиномичная дилемма вновь воспроизводится, требуя постоянного подтверждения выбора. Российская действительность насыщена подобными дилеммами: авторитаризм versus демократия, гражданское общество versus корпоративное, федерализм versus унитаризм, рынок versus государственная опека над экономикой, постиндустриализм versus сырьевой анклав мировой экономики, противостояние versus партнерство на международной арене. Несмотря на принципиальную важность всех перечисленных дилемм, России, на мой взгляд, необходимо самоопределиться прежде всего по первым трем из них.

На политическом уровне решающей представляется антиномия демократия — авторитаризм. Не будет преувеличением сказать, что вся российская политическая жизнь протекает в ее энергетическом поле, сдвигаясь то к одному, то к другому полюсу.

Оглядываясь на историю российских преобразований, можно заметить, что пик смещения в сторону демократии приходится, пожалуй, на 1980-е годы, на время утверждения гласности и формирования в стране публичной сферы. Именно тогда возник важнейший инструмент демократического развития, который до сих пор остается стержнем и индикатором демократизма в российском обществе. С появлением гласности и публичности общество заговорило; заговорив, оно стало размышлять, а затем и действовать. Без этого прорыва к демократии были бы невозможны последующие реформы в экономике и политической системе, приведшие к крушению коммунистического авторитаризма. Но потом маятник вновь качнулся в направлении авторитаризма. В русле радикально-либеральной политики сложился политический режим, воспроизводивший типичные черты автократии.

В итоге политическая система нынешней России оказалась амбивалентной. С одной стороны, она вроде бы демократична, так как ей присущи ключевые признаки демократического строя: всеобщие выборы, разделение властей, двухпалатный парламент, многопартийность, свобода прессы, гласность, комплекс гражданских прав, местное самоуправление. С другой — эти атрибуты демократии во многом декоративны, придавлены и обессточены, поскольку Конституция РФ, принятая в 1993 г., закрепила общественный порядок, тяготеющий к самовластию.

Нельзя сказать, что подобная амбивалентность свойственна только нашей стране. Она известна многим государствам, освобождающимся от наследия авторитаризма [2]. Однако у нас противоречия между демократическими и авторитарными тенденциями проявляются гораздо острее, чем где бы то ни было.

Отчасти это объясняется историческими и социокультурными особенностями России. Традиция самовластия пронизывает всю отечественную историю вплоть до 1917 г. Она была воспроизведена в новом виде в советскую эпоху и вновь проросла в постперестроечных условиях. Среди главных причин ее устойчивости — слабое развитие гражданского общества и невысокий уровень массовой политической культуры. Оба этих фактора препятствуют реальному воплощению в жизнь декларируемых прав и свобод, облегчают узурпацию власти олигархическими и государственно-бюрократическими элитными группами.

Пытаясь внедрить в российское общество западную модель демократии, радикальные либералы не посчитались с тем, что данная модель формировалась столетиями, притом в совсем иной социокультурной среде. Следствием либерального “большевизма наизнанку” стал подрыв складывавшихся веками устоев общественно-политической жизни страны: сильной государственности и коллективистского солидаризма, в какой-то мере компенсировавшего неразвитость гражданского общества и личностного начала. В результате молодая российская демократия оказалась крайне уязвимой для авторитарного “термидора”. Резкий слом государственных институтов не сопровождался ростом новых, демократических учреждений, что привело к потере управляемости и обесценению норм, регулирующих общественное поведение. Обрушились социальные ниши, формировавшие привычные формы солидарности. В одночасье обнищавшие и утратившие ориентиры люди начали связывать свои надежды на социальную защищенность и устойчивость существования, на обуздание криминального беспредела и восстановление национального достоинства не с развитием демократии, а с “сильной рукой”. Поколебленная перестройкой вековая традиция самовластия обрела социальную почву для возрождения.

Конституция РФ узаконила “перекос” государственной структуры в сторону президентской власти. Формально провозглашенный принцип разделения властей был по сути подменен гегемонией исполнительных органов, подчиненных главе государства. Парламент фактически оказался лишен реальных рычагов власти и контрольных функций. Политические партии не получили официальных каналов влияния ни на состав правительства, ни на процесс принятия решений. Средства массовой информации в своем большинстве попали под контроль олигархических групп и бюрократических клик, которые цинично использовали их в качестве орудия манипулирования общественным мнением.

Вместе с тем обнаружилось, что авторитарный “откат” не в состоянии полностью уничтожить потенциал демократии. Население страны не хочет расставаться с завоеваниями горбачевских времен: с политической свободой, гласностью, плюрализмом [3]. Не желает оно отказываться и от плодов экономических реформ, развязавших частную инициативу. Правящая элита, будучи неоднородной, не смогла сплотиться на авторитарной платформе. Формированию системы авторитарных институтов помешали и противоречия между интересами столичной и региональных элит.

Некоторые важнейшие демократические нормы, прежде всего свобода слова и выборность властных органов, уже стали для активного большинства граждан неотъемлемой характеристикой политической жизни. Это свидетельствует о том, что российское общество вступило на путь, который в конечном счете может привести к превращению демократии в образ жизни.

Тем не менее всероссийские выборы 1999 — 2000 гг. показали, что население, уставшее от тягот жизни, от ощущения перманентной опасности и отсутствия перспективы, от лицемерия и обманов со стороны власти и чиновников, проявляет возрастающую готовность довериться харизматическому лидеру, связывая с ним свои чаяния. Складывающаяся ситуация во многом напоминает ту, которую М.Вебер называл “плебисцитарной демократией”: отчуждение государственной власти от общества, кризис доверия к политической элите выливаются в акт народного волеизъявления в пользу лидера, воспринимаемого в качестве национального символа и олицетворяющего упования на защиту порядка и безопасности, обуздание произвола бюрократической власти [Weber 1980:155]. Высокий кредит доверия президенту В.Путину вполне может быть интерпретирован как “рейтинг” разочарования властью и надежды на нормализацию сверху системы государственного управления жизнедеятельностью общества.

На выбор формы политического самоопределения России серьезно влияют и международные факторы. Глобализационные процессы [4], ограничивая суверенитет и возможности государств, подтачивают фундамент национальных демократий и стимулируют авторитарные тенденции — как в мировом масштабе, так и в отдельных странах. На старте третьего тысячелетия демократия сталкивается с серьезными проблемами. Исходя из этого, многие исследователи не исключают вероятность того, что мировому сообществу предстоит пройти в наступившем столетии через фазу авторитарного развития. Под влиянием

глобальных вызовов все большему числу российских граждан начинает казаться убедительным аргумент о том, что сильная авторитарная власть эффективнее защитит интересы страны на мировой арене.

Какие метаморфозы могут произойти в описанном антиномичном противостоянии демократии и авторитаризма? В рамках исследовательского проекта “Россия в формирующейся глобальной системе”, осуществленном в Горбачев-Фонде в 1998 — 2000 гг., были рассмотрены четыре потенциальных сценария политического развития российского общества на ближайшую перспективу [Самоопределение России 2000: 435].

Сценарий первый: сохранение сложившейся в 1990-е годы системы самовластия. Вероятность реализации подобного сценария в чистом виде сравнительно невелика. Не исключены, однако, попытки законсервировать самовластие в его более “цивилизованной” форме, свободной от крайностей самодурства и построенной на рационально и цинично просчитанных технологиях манипулирования общественным сознанием.

Сценарий второй: восстановление модернизированной версии советской системы. При господствующих сегодня в обществе настроениях такой вариант представляется маловероятным. Вместе с тем возможен определенный возврат к советской практике по тем направлениям, где воздействие радикально-либеральных реформ на материальное и социально-культурное положение граждан оказалось наиболее болезненным.

Сценарий третий: становление сильной демократии как альтернативы авторитаризму. К сожалению, такой поворот событий, открывающий путь для вовлечения большинства граждан в политический процесс, требует создания целого ряда предпосылок и потому реален лишь в отдаленной перспективе. Апатия и пассивность значительной части граждан, уровень их политической культуры, а также высокая результативность политики манипулирования их сознанием и поведением делают шансы на осуществление его в обозримом будущем крайне незначительными.

Сценарий четвертый: утверждение умеренно авторитарной власти, применяющей при необходимости жесткие меры для обеспечения целостности страны, мобилизации ресурсов общества во имя преодоления системного кризиса и поддержания международного статуса России. Этот вариант наиболее вероятен: его готово принять общество, уставшее от жизненных невзгод, криминала, неразберихи, безволия власти; в его пользу действует острая потребность в консолидации политической элиты; к нему побуждает ущемление интересов России на международной арене.

Укрепление ослабленной российской государственности носит сегодня императивный характер. Альтернатива одна — полная потеря управляемости и распад общества под давлением локального, этнонационального, корпоративного, либертарного и других видов партикуляризма. Современный мир сталкивается с беспрецедентным “вызовом плюрализма”. Не только у нас, но и в западных демократиях перспектива постмодернистского “плюрализма без границ” вызывает тревогу за целостность и стабильность общества. Эта тема стала предметом углубленных теоретических изысканий [см., напр. Benhabib 1996]. Тем более она актуальна для современной России, где публичная политика оказалась под прессом групповых и клановых интересов. В этих условиях ради сохранения и упрочения государственности как политического механизма представления публичного интереса в качестве интереса общества в целом приходится идти на такие ограничения политического плюрализма, которые по критериям развитых демократий выглядят антидемократическими. Однако в фазе становления демократии в трансформирующемся обществе они могут быть исторически оправданы в качестве упорядочивающих мер. Это признают и многие западные специалисты по России. Так, в частности, З.Бжезинский, оценивая проводимую В.Путиным политику усиления властной вертикали, указывает, что “ограничения на определенные аспекты той хаотичной свободы, которая утвердилась на волне крушения советской системы”, были вызваны потребностью в восстановлении законности и порядка [Brzezinski 2001: 21].

Надо иметь в виду, что истоки и измерения российского плюрализма существенно иные, нежели на Западе. Плюрализм и дробность интересов здесь не столько следствие постиндустриальных тенденций, сколько результат экономического и духовного упадка, повлекшего за собой разрушение всей системы социальных идентификаций и солидарностей. На этой почве и произрастает хаотичное многообразие интересов, чем-то напоминающее неупорядоченное броуновское движение, когда все частицы подвержены бесчисленным случайным воздействиям и потому постоянно меняют свое местоположение. За годы реформ перед нашими глазами прошла длинная череда партий, неожиданно появившихся и столь же быстро исчезавших. Взгляды

и позиции индивидуальных участников этого политического калейдоскопа тоже стремительно менялись. Формировались причудливые политические комбинации. Создавались союзы и объединения-однодневки. Обыкновенные российские граждане, в большинстве своем выбитые из привычных социальных ниш, были лишены возможности свободно (важнейшее условие демократии) определиться в этой системе (точнее, бессистемности) политического беспорядка.

Подобный политический плюрализм отнюдь не способствует демократическому развитию общества. Напротив, он становится разрушителем мостов согласия и целостности социума. В такой экстраординарной обстановке предотвратить сегментацию и распад политической системы можно только одним способом — поставив предел необузданному политическому плюрализму, введя его в рамки ответственной демократии. Как решить эту проблему, не порывая с демократическим курсом развития, который невозможен без политического плюрализма? Именно с этим вопросом и сталкивается сегодня российское общество, где после десятилетия разгула полуанархического плюрализма возникла необходимость упорядочить хаос частных и групповых интересов в нормативных границах правового демократического государства.

Думается, что в политике нынешней российской власти присутствуют и даже в какой-то мере срастаются два компонента: укрепление государственности и усиление авторитарных тенденций. Разделить эти две составляющие чрезвычайно трудно. Во всяком случае, в действиях Президента грань между ними ясно не просматривается. Тем не менее, выбор должен быть сделан. Общество приближается к бифуркационной точке, когда надо будет определиться: либо новый тур демократических перемен, либо ужесточение авторитаризма. От этой точки власть может эволюционировать либо к сильной демократии, либо к неприкрытому авторитаризму. В каком направлении пойдет развитие, зависит от общей динамики политической жизни, от конфигурации сил на политической арене, что, естественно, связано с решением всего комплекса экономических и социальных проблем.

К сожалению, антиномичность дилеммы демократия versus авторитаризм затрудняет выбор. Все больше признаков того, что движение к точке бифуркации замедляется. Возникает некое неустойчивое равновесие, своего рода “бифуркационный застой”. В любом случае есть немало оснований предполагать, что в вязкой трясине авторитарно-демократической антиномичности выбор пути политического развития России снова будет смазан, растянется по времени, распадется на чередующиеся этапы прорывов к демократии, попятных шагов к авторитарной практике, застойных стадий равновесия [\[5\]](#).

Подтолкнуть общество, “зависшее” между демократией и авторитаризмом, к решающему выбору могла бы демократическая энергетика гражданского общества. Это позволило бы уравновесить усиление вертикали власти развитием системы горизонтальных сетевых связей гражданских институтов и объединений. Однако здесь мы сталкиваемся с другой антиномичной дилеммой: гражданское общество versus система корпоративистских отношений.

Горбачевская перестройка дала толчок формированию в России гражданского общества. Частные интересы высвободились из-под пресса государственной монополии на собственность, наметились главные линии их структурирования. Возникли многочисленные самостоятельные организации, объединения, ассоциации, их деятельность получила вполне удовлетворительную нормативно-правовую базу.

Но, как показывает опыт того же Запада, для развития полноценного гражданского общества — носителя энергии общественной самостоятельности нужны многие десятилетия. В России оно пока очень хрупко и неустойчиво. Разобщенность превалирует над солидарностью. Частные интересы аморфны, слабо кристаллизованы. Наемный труд плохо организован. Профессиональные союзы еще не обрели самостоятельности и не освободились от патерналистских иллюзий. Не стали авторитетными выразителями общих интересов национального капитала и объединения предпринимателей и банкиров. В их политике и деятельности слишком велик удельный вес корыстных расчетов соперничающих олигархических групп, действующих главным образом в сфере финансов и сырьевых ресурсов.

Надо отметить, что рост влияния корпоративных интересов и организаций — общая черта современного мирового развития. Далеко не случайно XVIII Всемирный конгресс политологов, состоявшийся в 2000 г. в Канаде, был посвящен обсуждению вопроса о том, станет ли XXI в. началом тысячелетия корпоративизма. Повсюду в мире наблюдается усиление могущества и мобильности ТНК, которые нередко навязывают свою волю правительствам, осуществляют диктат в мировой политике. Эти тенденции несут в себе серьезнейшую угрозу перспективам демократии на планете.

Во второй половине XX в. в ряде западных стран сложилась конструктивная практика корпоративных переговоров между объединениями групповых интересов и государственными институтами. В рамках согласительного процесса взаимных консультаций и обязательств частные интересы труда и капитала были подняты на уровень прямого диалога с государством, что во многом способствовало достижению общенационального согласия и политической стабильности. На такой базе и сформировались европейские социальные государства. Конечно, подобной форме корпоративизма тоже присущи определенные антидемократические черты (монополизация представительства интересов труда и капитала, дискриминация частных интересов вне согласительного процесса и т.п.). В демократических странах эти черты или, по меньшей мере, их крайние проявления нейтрализуются системой сдержек и противовесов, устанавливаемых развитым гражданским обществом и правовым государством. Однако и там все чаще звучат голоса о кризисе корпоративной модели трехстороннего сотрудничества, поскольку растущая мощь корпораций обеспечивает им все более явное превосходство в диалоге с национальным государством и гражданским обществом.

В России же корпоративистские тенденции разрастаются практически беспрепятственно. Здесь нет социально-политической среды, которая могла бы “облагородить” корпоративные нужды и вожелания, поставить их в рамки демократического плюрализма интересов и взглядов. Коррупция, поразившая общество и охватившая по существу весь государственный аппарат, создала тепличную среду для государственно-бюрократического, криминально окрашенного корпоративизма, олицетворяющего не публичные общественные потребности, а корыстные устремления политических кланов, “теневиков” и чиновников, связанных с мафиозными группами. Фактически в России речь идет о прямом противоборстве между нарождающейся демократией и олигархией. И если последняя не будет оттеснена от пульта государственного управления и лишена возможности непосредственно либо опосредованно навязывать обществу свою волю, то в стране восторжествует уродливый, паразитический корпоративизм, несовместимый с демократическим строем.

Нынешняя власть предпринимает некоторые шаги к тому, чтобы поставить всех предпринимателей в равные условия, ограничить политические амбиции олигархов, дать отпор коррупции и криминалу. Но достаточно ли проводимых мер, чтобы “цивилизовать” российский корпоративизм? Как бы то ни было, эти меры должны быть подкреплены серьезной отработкой правовых механизмов отстаивания корпоративных интересов, а также ростом активности и влияния организаций гражданского общества. Пока же выбор в рамках антиномии гражданские versus корпоративные отношения не менее сложен и труден, чем по оси демократия — авторитаризм.

Даже в зрелом гражданском обществе возникают противоречия между собственно гражданскими и сугубо групповыми интересами. Ведь в фундаменте гражданских организаций лежат различного рода частные интересы, среди которых встречаются и такие, которые расходятся с интересами социума в целом и даже противостоят им. Иными словами, в гражданском обществе возникают очаги “частного эгоизма”, отторгающие общественные начала публичной политики.

В данной связи можно сослаться на заключения американского социолога Д.Белла, проанализировавшего деятельность Ассоциации сообществ по месту жительства (Residential Community Association), объединяющей свыше 50 млн. американцев. Цель Ассоциации — создание комфортных условий проживания (рекреационная и спортивно-оздоровительная инфраструктура, бытовые удобства, охрана от посторонних) в небольших микрорайонах, населенных состоятельными людьми. В результате на территории пригородов возникают благоустроенные социальные мини-сферы, замкнутые очаги благополучия, отгороженные от остального населения. Более того, Ассоциация побуждает своих членов участвовать в публичных делах лишь в меру собственных эгоистических устремлений, нередко в ущерб общественным интересам, действовать не в качестве граждан, а в качестве “приватизированных индивидов”. Тем самым утрачивается важнейшее свойство гражданского общества как источника демократической культуры и политического сознания. “Вместо того чтобы быть школой гражданской доблести и формирования приверженности общему благу, — констатирует Белл, — Ассоциация учит своих участников действовать в оппозиции к интересам более широкого сообщества” [Bell 1998: 244-245].

К слову сказать, “приватные мини-сферы” множатся и в современной России. Благоустроенные элитные зоны проживания новых русских отгорожены от “чужаков” высокими заборами и вооруженной охраной. Трудно ожидать, чтобы их обитатели ревностно отстаивали общее благо и гражданские интересы.

Структурирование частных интересов — необходимое, но недостаточное условие развития гражданского общества. Мера зрелости последнего определяется тем, насколько частные интересы сопряжены с публичными. Если в организациях гражданского общества начинают доминировать частные эгоистические интересы, то эти организации превращаются из гражданских в корпоративистские, не способные выступать в качестве общественной основы демократического строя. О том, что гражданское общество не может сложиться на базе одних только частных интересов, писал еще Гегель. Гражданское сознание и ответственность рождаются лишь в результате соединения “частного” с “публичным”. Но чтобы добиться такого соединения, как справедливо указывал немецкий философ, “нужна борьба с частным интересом и страстями, трудная и продолжительная дисциплина” [Гегель 1935: 24].

В нынешней России налицо явный приоритет групповых и клановых интересов над гражданскими, общенациональными. В связи со слабостью личностного начала в политической жизни страны, а также с неразвитостью публичной сферы как арены общественной рефлексии по поводу того, кто мы, куда идем и как надо решать наши проблемы, сопряжения частных и публичных интересов не происходит или же оно идет очень медленно.

Продвижение к зрелому гражданскому обществу требует преодоления ограниченности частных интересов. Россия сегодня находится лишь в начальной стадии борьбы с эгоистическими интересами корпоративного характера, пока преобладающими в ее социально-экономической и политической системе. Ключом к решению этой важнейшей проблемы, позволяющей сбалансировать полюса антиномии гражданского и корпоративного, могли бы стать всемерная поддержка и развитие публичной сферы как открытого форума для диалога политических и гражданских сил.

Еще одна ось политического самоопределения России проходит через антиномию унитарное государство versus федерация. Следует отметить, что на протяжении большей части российской истории данной антиномии не существовало. Россия была унитарным государством имперского типа. Симптомы кризиса унитаризма появились лишь в начале XX в. В результате революции империя пала. Ленин, подобно большинству марксистов того времени, был сторонником унитарного государства. Но как крупный политик он понимал, что сохранить целостность страны на основе унитарных принципов невозможно. Тогда-то и родилась идея советской федерации. Однако в своем практическом воплощении (может быть, за исключением начального периода) вновь созданная федерация по сути оказалась лишь разновидностью унитарного государства, жестко управляемого из центра. Иными словами, Россия фактически не имела опыта федеративного устройства. Поэтому ее политическая культура (менталитет, психология), а соответственно — и политическая практика проникнуты духом унитаризма.

В годы брежневского застоя и особенно с разворачиванием горбачевской перестройки кризис унитарной системы государственного устройства и унитаристской идеологии приобрел острые формы. Именно он и питал идеи (равно как и иллюзии) “нового федерализма”, наполняя реальным содержанием рассматриваемую антиномию.

Реформы второй половины 1980-х годов открыли возможность создания в стране демократической федерации. Эта возможность была упущена, и Советский Союз развалился. Между тем, стремясь заручиться поддержкой региональных элит, Президент Б.Ельцин провозгласил неограниченный суверенитет уже субъектов РФ и пошел на такое перераспределение полномочий между ними и Центром, которое крайне ослабило управленческую вертикаль и поставило под вопрос само существование целостного Российского государства. В ряде регионов начали набирать силу центробежные тенденции, наиболее отчетливо проявившиеся в чеченском мятеже. Некоторые республики внесли в свои конституции положения, противоречившие Основному Закону РФ, ограничили налоговые платежи в федеральный бюджет, отказались проводить набор в армию. Острейшей проблемой стало правовое неравенство субъектов Федерации. Области, в особенности экономически мощные, требовали уравнивать их правовой статус со статусом национальных республик. Российская Федерация все больше приобретала черты конфедерации, несущей в себе зародыши распада.

В этой ситуации единственным способом сохранить государственную целостность страны было восстановление административно-политических рычагов централизованного управления. На решение данной задачи и направлен нынешний курс В.Путина. Не подрывает ли он федеративные начала государственного устройства? Разумеется, любая централизация несет с собой “авторитарный соблазн”, и не всякая власть, тем более в стране с давними автократическими традициями, способна противостоять

искушению. Поэтому укрепление государственной вертикали должно сопровождаться созданием сбалансированной системы сдержек и противовесов как в самой власти (разделение полномочий), так и в обществе (развитие гражданских инициатив и организаций).

Выше уже говорилось, что в политике путинской администрации грань между укреплением государственности и авторитарными поползновениями власти четко не обозначена, затушевана. С одной стороны, меры по упрочению властной вертикали (разделение страны на федеральные округа во главе с полномочными представителями Президента; изменение порядка формирования Совета Федерации; приведение регионального законодательства в соответствие с Конституцией РФ; усиление государственного влияния на средства массовой информации) нейтрализовали сепаратистские тенденции в регионах. С другой — следствием их проведения стало ограничение демократических норм общественно-политической жизни. Это проявилось, в частности, в сужении полномочий региональных и муниципальных органов власти, в доминировании исполнительных структур над законодательными и судебными, в ущемлении свободы СМИ.

Пока дилемма унитаризм versus федерализм далека от решения. Главный камень преткновения — отсутствие сбалансированных отношений между Центром и субъектами Федерации, что отчетливо ощущается как на уровне теоретических представлений, так и в практической политике [см. Федерализм 2002]. О том, насколько мощные препятствия стоят на пути формирования “нового федерализма”, свидетельствуют и бюджетное противостояние Центра и регионов, и недопустимая асимметрия в структуре РФ, и кровоточащая рана Чечни — источник интоксикации всего федеративного организма.

Удастся ли центральной власти достаточно четко определить линию размежевания между сильной государственностью и засильем центральной бюрократии? От решения этого вопроса во многом зависит, станет ли наша страна демократической федерацией или же превратится в унитарное государство авторитарного типа.

* * *

Три антиномии политического развития России органически связаны между собой. Выбор по каждой из них неизбежно сопряжен с выбором по двум другим. Политическое самоопределение России — комплексная проблема, решение которой возможно лишь в русле единой стратегии развития и модернизации всех сторон жизнедеятельности общества. Выработка такой стратегии требует времени и опыта, общественного диалога и хотя бы минимума национального согласия. Ярво выраженная антиномичность существующих дилемм усложняет формирование этих необходимых предпосылок общенационального политического выбора. В этом заключается одна из причин, почему российское общество так долго и так трудно проходит через узловую точку бифуркационного выбора. Скорее всего, длительного “бифуркационного застоя”, т.е. такого состояния социума, при котором выбор назрел, но ни общество, ни власть не готовы сделать его здесь и сейчас.

Пройдя несколько циклов реформ, Россия пока не самоопределилась политически. Выбор в пользу демократии еще не только не сделан, но и далеко не предрешен. Наша страна вполне может самоопределиться и как авторитарное общество. Для российского государства и его граждан такой исход обернется новыми тяжелыми испытаниями и невосполнимыми потерями. Чтобы этого избежать, необходимо сконцентрироваться на развитии тех полюсов антиномий политической жизни, которые представлены демократией, гражданским обществом, демократическим федерализмом.

Россия имеет богатый опыт решения рокового для нее противоречия между демократией и авторитаризмом на автократической основе. Все подобные эксперименты кончались крахом или заводили в тупик. Не пора ли нам собраться с силами и решить указанную антиномию в пользу демократии?

Бердяев Н. 1998. Судьба России. М., Харьков.

Гегель Ф. 1935. Сочинения. Т. 8. М.

Красин Ю.А. 1992. Долгий путь к демократии и гражданскому обществу. — Полис, № 5-6.

Самоопределение России. Доклад по итогам исследования “Россия в формирующейся глобальной системе” (1998 — 2000 гг.). 2000. — Труды Фонда Горбачева. Т. 5. М.

Современное российское общество: переходный период. 1998. М.

Федерализм и публичная сфера в России и Канаде (Аналитический доклад). 2002. М.

Bell D. 1998. Civil Society Versus Civic Virtue. — Freedom of Association. Princeton.

Benhabib S. (ed.). 1996. Democracy and Difference. Princeton.

Brzezinski Z. 2001. The Primacy of History and Culture. — Journal of Democracy, vol. 12, № 4.

Przeworski A. 1991. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. N.Y.

Weber M. 1980. Wirtschaft und gesellschaft. Tübingen.

[1] На это обстоятельство обращали внимание многие русские мыслители, в частности Н.Бердяев, который отмечал, что “антиномичность проходит через все русское бытие” [Бердяев 1998: 277].

[2] Эта тема обстоятельно исследована американским политологом А.Прzewорским [см. Przeworski 1991].

[3] По данным опроса, проведенного Институтом социологии РАН в конце 1998 г., за демократическую форму правления выступают свыше половины россиян (56,7%) [Современное российское общество 1998: 27].

[4] Следует заметить, что эти процессы вообще оказывают огромное влияние на внутреннее развитие российского общества. Вне их контекста нельзя понять ни распад СССР и, соответственно, возникновение проблемы политического самоопределения России, ни сложные перипетии российской истории последних десятилетий, ни остроту упомянутых выше антиномичных противоречий нашего политического развития. Однако это особая тема, требующая специального рассмотрения.

[5] Мне уже приходилось писать о том, что “противоречия реформации, поляризация общественных сил, наследие конфронтационной политической культуры, болезнь идеологической нетерпимости, можно сказать, обрекают нас на перспективу ‘пульсирующего’ развития: на чередование фаз подъемов и спадов, возбуждений и усталости, взрывов энергии и погружений в апатию, ‘прорывов’ к свободе и ‘откатов’ к авторитарным порядкам, смелых шагов в будущее и рецидивов прошлого” [Красин 1992: 103]. Здесь же следует добавить, что антиномичность противоречий политического развития, вероятно, повлечет за собой определенную размытость переходов между этапами, поскольку на каждом из них антиномия “живет” в обеих своих ипостасях.